

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ СОЛОМОНОВИЧА ПОМЕРАНЦА

Уже год, как с нами нет Григория Соломоновича Померанца (13 марта 1918 – 16 февраля 2013). Сегодня мы вспоминаем его не только как философа, культуролога, писателя, эссеиста. Мы вспоминаем его и как человека, который был нравственным камертоном общества, чьи оценки тех или иных событий всегда были крайне важны для многих его сограждан. В этом номере журнала Григория Соломоновича вспоминает его вдова и соратник З. Миркина, в центре размышлений которой важнейшие черты его мирозерцания – о бессмертии, о Боге как высшем совершенстве и Царствии Божием внутри нас. Норвежский писатель и журналист П. Воге представил некоторые черты философии Померанца, предполагающей в основе своей принцип диалектичности. Показывается, как Померанц пытался строить диалог между религией и культурой и в прошлом, и в будущем, опираясь на идеи Ф. Достоевского, дзен-буддизма, русскую традицию иконописи, прежде всего А. Рублева. Наконец, Я. Шемякин ставит перед собой задачу творческого развития идей Померанца о субэкуменах в применении их к анализу “пограничных” цивилизаций.

З.А. МИРКИНА

“Я нашел себя в том, как я живу, как я люблю”

Памяти Григория Соломоновича Померанца посвятила эти страницы его вдова Зинаида Александровна Миркина. В них размышления, связанные непосредственно с мирозерцанием Григория Соломоновича: о бессмертии, о Боге – высшем совершенстве, без любви к которому человечество попросту не выживет; о Царствии Божием, которое внутри нас.

Ключевые слова: мировоззрение, религиозная философия, нравственность, бессмертие, Бог, любовь, блуждания и метания души, счастье.

Zinaida A. Mirkina, the widow of Gregory Solomonovich Pomeranz dedicated these pages to memory of her husband. Her reflections directly relate to Gregory Solomonovich, his ideas on immortality, the God – as the highest perfection and the kingdom of the God that is within us.

Keywords: world view? Religious philosophy, morality, immortality, the God, love, wandering souls, happiness.

28 февраля – день нашей свадьбы. Григорий Соломонович не дожил двенадцать дней до нашего 52-летия. Я в этот день была одна. Была на могиле. Даниловское кладбище изменилось. Там похоронены мои родители, и очень долго кладбище это было тихим, с огромными старыми деревьями, хранившими эту тишину.

Сейчас внизу под уклоном кладбища проходит третье автомобильное кольцо. Деревья зимой голые. Машины видны и слышны. Покой мертвых нарушен. Я стояла у могилы, и мне очень не хватало этого Покоя. Я нашла его в кладбищенской церкви – Храме Святого Духа. К счастью, там было пусто. Мерцали свечи, и стояла тишина. Нет, не стояла – двигалась. Сгушалась. Становилась Присутствием самого нужного в жизни – Присутствием Вечного. И вдруг пришло, нахлынуло понимание того, как трудно этому Вечному пробиться к нам. Как мы не видим, не слышим, не бережем Его, как Оно не защищено. И зачалось вот такое стихотворение:

В обставшей душу тишине
Великой, строгой,
Вдруг явственно открылось мне,
Что ранить Бога
Так просто! – Выплеском одним,
Рывком мгновенным.
Как малое дитя раним
Творец Вселенной.
Как тот, сосущий молоко,
Прозрачнокожий.
Ударить Бога так легко –
Слабейший сможет.
Но, Боже, как на свет из тьмы
Трудна дорога!
Ведь стали смертными все мы,
Ударив Бога.

В последней беседе на семинаре в музее меценатов, состоявшейся 14 декабря 2012 г., я говорила о бессмертии как о понятии не количественном (не прекращающееся время жизни), а о качественном. Бессмертие есть качество нашей души. И вот это качество мы утрачиваем, ударяя Бога.

Между тем физический мир живет по законам борьбы. Все и всё ударяют друг друга, бьют, меряются силой. Это закон. Все другое представляется невозможным. Именно это привело в ужас двадцатилетнего Гришу, и он начал свою трехмесячную медитацию (хотя слова этого тогда не знал), о которой столько раз рассказывал и писал. “Если бесконечность (материальная, бездушная. – *З.М.*) есть, то меня нет. Если я есть, то (такой) бесконечности нет”.

Это напряженное вглядывание в сущность мира кончилось проблеском внутреннего света, который и определил всю его жизнь. Да, все бьют друг друга. Да, материальная бесконечность с ее законами борьбы и смерти представляется непобедимой. Но он наткнулся сердцем на нечто другое, что пересекло эту дурную бесконечность.

Что же это?

“Если (дурная) бесконечность есть, то меня нет”, – вертелась в уме упрямая формула. Но – вспышка внутреннего света пересекла все внешнее – *я есть!*

Значит, эта бесконечная власть материи – дурной сон, а явь, реальность – что-то иное.

Качнулся лист сырого клена
И тихо дождь зашелестел –
Душа живет иным законом,
Обратным всем законам тел.
В ней нет земного тяготенья
И страха перед вечной тьмой.
Ей все потери – возвращенья
Издалека – к себе самой.
О, эти тихие возвраты!
Листы летят, в глазах рябя,
И все потери, все утраты
Есть обретение себя...

Все потери, все утраты – это бесконечная жертва, которая, однако, является путем в истинную бесконечность – внутреннюю, не количественную, а качественную – вечно рождающую и поддерживающую жизнь. Так вот, можно пожертвовать всем внешним, чтобы открылся внутренний источник, перед которым нужно благоговейно застыть в святом страхе; сделать хоть малейшее движение против него – ранить Бога.

Ранить Бога так просто потому, что Он абсолютно ничем не защищен, совершенно открыт. Он безграничен. Значит, никакой стены, никакой защиты у Него нет. Защищенный чем-то, закрытый от чего бы то ни было Бог, уже не Бог. Это кумир, идол, но не таинственная суть нашей жизни, причастию которой мы призваны.

В материальном мире Он не господин. Он – не от мира сего.

Царство Его не от мира сего.
Сила Его не от мира сего.
Здесь Ему воздух скупко отпущен.
Нет, не всесильный, не всемогущий.
Здесь – задыханий едкая гарь.
Здесь Он – не царь.
Кто же Он? – Путь, уводящий отсюда
Не чудотворец – высшее чудо.
Выход в мою и твою высоту.
Насквозь пробитый – прибитый к кресту.
Тот, кто в молчании вынести смог
Тяжесть земли – наш неведомый Бог.
Назван, описан и снова неведом.
Только тому, кто пройдет Его следом
Снова предстанет среди пустоты.
– Видишь? Вот я.
– Вижу. Вот Ты.

С Ним можно сделать все, что угодно, ранить, сжечь, распять. Но что будет с самим материальным миром, задавившим собственный источник?

Только душа, которая может пожертвовать всем материальным, чтобы только не ранить Бога, чувствует в себе Жизнь Вечную. “Я есмь ватеркресение и жизнь вечная”, – сказал Христос. Слова эти остались загадкой для огромного числа христиан и не только христиан. Наверное, так же, как и слова: “Царствие Божие внутри нас”.

Большинство над этой загадкой, может быть, и не задумывается, но какое-то упорное меньшинство двадцать веков разгадывает эту загадку.

Гриша любил словосочетание “творческое меньшинство”. К этому меньшинству, конечно, принадлежал и сам. Но я имею в виду прежде всего не автора многочисленных книг (таких авторов и более плодovitых, чем он, много), а творческое восприятие жизни, в отличие от жизни потребительской, “блудной”, как назвал ее Р.М. Рильке. У Рильке в его “Записках Мальте Лауридса Бригге” есть взволнованные размышления о том, как люди слушают музыку. Концертный зал для рильковского героя – место священнодействия, где великий музыкант оплодотворяет наши души звуками. От звуков этих, стремящихся проникнуть в самую глубину существа нашего, мы должны зачать новую жизнь. Но большинство слушающих никакой глубины в себе не открывают. Они лишь наслаждаются звуками, забавляются ими, и это Рильке чувствует как кощунство, блуд.

“Но, Господин мой, – говорит Мальте. – Там, где звуки твои достигают девственного слуха, возлежащего целомудренно, он умрет от блаженства или же познает бесконечное, и его оплодотворенный мозг должен будет лопнуть от переизбытка творчества” ([Рильке, 1913, с. 75], здесь и далее перевод А. Горбуновой). Таким вот мозгом, готовым лопнуть от переизбытка творчества, и был мозг Григория Соломоновича.

Тут мне хочется вспомнить один разговор, произошедший в 1962-м году, примерно через год после нашего соединения. Еще в студенческие годы Григорий Соломонович писал работу о Ф. Достоевском, которая поразила любимейших преподавателей

тогдашнего Института философии, литературы, истории (ИФЛИ) – Л. Пинского и В. Гриба. Известно, как Гриб, прочитавший эту работу в 5 часов утра, шел пешком через всю Москву к Пинскому просить Гришу Померанца себе в ученики. Это та самая работа, которая была признана потом антимарксистской, а диссертация, написанная на ее основе, была уничтожена при аресте как материал, не относящийся к делу.

Много событий прошло с тех пор – фронт, лагерь, смерть бесконечно любимой первой жены. Писать приходилось мало, урывками. И вот, мы год прожили вместе. Гуляем в Рублевском лесу, и Гриша говорит мне: “Ты нашла себя в том, как ты пишешь, а я – нет, я нашел себя в том, как я живу, как я люблю”. Сказал он это не только без грусти и досады, не просто спокойно, а глубоко радостно, и я подумала, что ничего лучшего он мне еще не говорил.

И вот, точно Фея подслушала – он вдруг стал писать и писать неудержимо, одно за другим – его оплодотворенный мозг был полон творчества. Это ведь самое главное: дать оплодотворить свой мозг, свое сердце. Остальное – вторично.

Гриша был бесконечно целомудренным человеком. Он не наслаждался красотой мира, красотой искусства, а začínал от этой красоты. Не наслаждался многообразием форм, не застревал во множестве деталей, а видел Целое, составленное из этих деталей. И это чувство невидимого Целого, составленного из множества видимых частей, может быть, и было главным чувством его жизни. Это и есть истинно религиозное чувство. Мироздание – невидимый (не объятый глазом и умом) организм, где все связано со всем. Я не осколок, не отдельный атом. Кроме этого малого, осязаемого пятью чувствами “я”, есть еще великое “Я”, осязаемое глубиной души.

Глубина его души ощущала невидимую связь с каждой былинкой и каждой звездой и уж, конечно, с каждой другой душой. Отсюда – невозможность обидеть, толкнуть, необычайная бережность ко всему окружающему: любовь к ближнему и к Богу, как к ближнему. Да, любовь к Богу была не из книг, не от ума. Это было органичное чувство. Почти осязаемое прикосновение души. Та глубинная красота, от которой začínалось его творчество, вынашивалась в нем и рождалась, как великая доброта и великая любовь.

Здесь мне хочется прерваться и сказать несколько слов как бы в ответ нашему другу М. Харитонову, который написал очень хорошую статью о Григории Соломоновиче. Однако в конце этой статьи есть проблемы, о которых мне хотелось бы поговорить.

“Я прочел в одной из статей Померанца, – пишет Марк, – размышление о гедонизме Запада, как об одной из причин его кризиса. Что-то для меня самого в этой теме оставалось неясно, захотелось позвонить Григорию Соломоновичу уточнить: как он определяет различие между гедонизмом и счастьем” [Харитонов, 2013].

Позвонил. Трубку взяла я и сказала примерно следующее: счастье не может быть замкнуто на двоих. Счастье – это непременно открытость миру, любовь к миру Божьему, которая переполняет тебя и переливается в другого. Когда другой может это принять, разделить с тобой, счастье переходит в любовь, которая, по словам А. Сент-Экзюпери, не взгляд друг на друга, а вглядывание в одну сторону. Примерно о том же говорил Григорий Соломонович в “Гадком утенке”: “Счастьем хочется поделиться. Счастливый человек близок к сильно развитой личности Достоевского и готов отдать себя всего всем, чтобы и другие были бы такими же счастливыми людьми; я приводил в пример счастливых людей, готовых на жертву. Я сам был на нее готов. Эта готовность никак не мешает счастью, скорее завершает его. Без открытости бездне (смерти, несчастью, добровольной жертве) счастье – карточный домик, готовый рухнуть от одного страха беды. И где поселился страх, там нет счастья” [Померанц, 1995, с. 273]. Так вот, счастье не боится страдания, потому что в истинном счастье всегда задействовано все существо, целостное существо. (Пробуждение чувства целого, может быть, и есть счастье.) Гедонизм ищет только наслаждения, избегая всего, что мешает наслаждаться. В наслаждении живет не все существо, а только часть, поверхность существа нашего. Вот почему гедонизм Запада – одна из примет его кризиса. Это тот самый блуд, о котором говорил Рильке.

Гриша очень любил работу В. Соловьева “Смысл любви”. Грехом в любви Соловьев считает любовь к какой-то части любимого, а не к целому, не ко всей душе. Пока Митя Карамазов любил только какой-то “изгибчик” Грушенькиной ножки, он был рабом страсти, рабом стихии, способным на преступление. Но вот настал момент, когда он полюбил всю душу Грушеньки, и тогда Митя преобразился, стал человеком, готовым взять на себя вину за слезы незнакомого ребенка. Где-то “дите” плачет, и это заставляет Митю принять страдание. И в то же время, преображенная душа его счастлива. Ибо счастье – это любовь, любовь, вбирающая в себя все, отвечающее за все, принимающая мир [Соловьев, 1992].

“Держи ум свой в аде и не отчаивайся”. Это изречение Силуана очень любил Гриша. Истинно любящая душа не избегает самого страшного, самого ада, а находит в своей глубине силу, превосходящую ад. Гриша нашел эту силу. Это неисчерпаемость любви.

Самое главное в нем – умение любить. А это – главное умение в жизни. Ничего важнее не знаю. Только человек, умеющий любить, свободен. Все остальные – рабы стихии. Умеющий любить дорос до высоты, где правит Дух, стихиям не подвластный. Или вошел в ту Глубину, где находится царство, которое внутри нас.

Чтобы уточнить, что такое умение любить, еще раз процитирую Рильке: “Плохо живется тем, которых любят. Им грозит опасность. Ах, если бы они побороли себя и стали Любящими! Любящий находится вне опасности” [Рильке, 1913, с. 48].

На первый взгляд – парадокс. Но ведь Отелло очень любил Дездемону, а Рогожин – Настасью Филипповну. Но умели ли они любить?

Уметь любить – значит причащаться душе Любимого, а не владеть им как своей собственностью; чтобы причаститься, нужно только одно: чтобы любимый БЫЛ. Истинно любящему ничего не нужно для себя. Нужно только, чтобы любимый – был. Как есть небо, лес, река. Душа любимого переливается в любящего, становится его душой. “Ничего от тебя мне не надо, только будь”. Так и любил Гриша. В такой любви происходит исчезновение своего ограниченного “я” (эго), и приобретается настоящее “Я”, причастное бесконечности.

И тут я снова вернусь к статье Харитонов. В конце этой статьи он говорит о некоторых различиях между собой и Гришей. “Я как-то пытался в споре объяснить, – пишет он, – чего мне не хватает в чисто духовной словесности, почему я отличаю ее от того, что мне представляется литературой”. Спор был о романе Харитонova “Линия судьбы, или Сундучок Милашевича”. Роман этот Грише, безусловно, нравился, и все-таки чего-то ему в нем не хватало [Харитонов, 1994]. (Это тот самый роман, за который Марк получил первую в России премию Букера.) Грише хотелось бы, чтобы люди искали пути к тому, что он называл высокой жизнью. “Не приходится сомневаться, – пишет Харитонов, – что самому Померанцу этот путь был известен, что в состоянии, которого он достиг, не так уж важна литература – все еще так важная для меня... Не без смущения вынужден признать, – пишет он далее, – что если Шекспир или Фолкнер остались в мире своих блуждающих, мечущихся героев, их неразрешенных и неразрешимых проблем, я больше хотел бы приблизиться к ним, чем к миру высокого совершенства” [Харитонов, 2013].

Оговорюсь сразу – чисто духовная словесность, в которой нет плоти, образа, не устраивает и нас с Гришей. Произведение искусства, будь то литература, живопись, скульптура или музыка, должно быть прежде всего воплощением Духа. В искусстве Дух должен обретать плоть, иначе это не искусство. Так что противопоставление чисто духовной словесности и литературы считаю неправильным. Можно сравнивать только литературу с литературой. И литература была для Гриши всю жизнь бесконечно важна. Вопрос может идти только о том, какая именно литература для него стала самой нужной. Гриша считал, что главная цель искусства – воплощение высшего начала.

И.С. Бах и А. Рублев не вне искусства. Это – высшее искусство. Р.М. Рильке и Р. Тагор не вне искусства. (Не исключение, как говорила М. Цветаева о Рильке.) Это

первопроходцы искусства, того искусства, в котором человек воплощает свое высшее начало. Здесь человек уже не раб стихии. Он нашел внутренний стержень, о который стихия разобьется. Найти такой стержень – наша общая человеческая задача, от которой литература и искусство не только не освобождаются, – они призваны возглавлять эту задачу. Это наше общее с Гришей *credo*.

Но, разумеется, все должно быть органично естественно. К этой высшей задаче ведет длинный и не прямой путь прохождения через все неразрешенные и неразрешимые проблемы. Григорий Соломонович понимал это очень хорошо. И очень не любил спрямленных путей.

В “Записках гадкого утенка” есть глава, которая так и называется “Неразрешимое”. А первая его лекция из цикла “Работа любви” имеет название “Возможна ли чистая совесть?”. Ответ на этот вопрос очень сложный, он проходит через все блуждания и метания души. Кстати, Гриша очень любил мечущихся и блуждающих героев великой литературы. С отрочества его любимым героем был Гамлет. На всю жизнь стали любимыми герои Достоевского.

И однако самым драгоценным в Достоевском для него было неустанное кружение вокруг вопроса о Боге, о том самом высшем совершенстве, без любви к которому человечество не сможет вступить в истинную жизнь и попросту не выживет.

Достоевский создал, может быть, единственный во всей светской литературе образ святого – живого, ранимого, разъятого на части (можно сказать, распятого), и все-таки в глубине своей оставшегося Светом, призывом к неугасимому Свету. Разговоры князя Мышкина о Боге были глубоко целомудренны. Никаких прямых слов, никаких наставлений, ни положительных, ни отрицательных. “Это все – не про то”. Это мышкинское “не про то” – бесконечно любимые Гришей слова. Его собственные разговоры о Боге были тоже глубоко целомудренны. Он говорил только о том, к чему притронулся сердцем, воплощал эти живые прикосновения. В Спасе Рублева, в музыке Баха он находил тот стержень, держась за который можно было бы выстоять в любых, самых страшных обстоятельствах. И требования его к литературе и искусству были высоки. Поэтому я хочу закончить стихотворением, которое он любил:

Гения Создатель судит строго,
Снисхождение напрочь отрубя.
Гениальность – послушанье Богу
Вплоть до отвержения себя
Полного – и никакой досады,
Ни малейшей жалобы судьбе.
Мне себя уже совсем не надо, –
Богу я служу, а не себе.
Все таланты и ума палата –
Лишь дрова для Божьего огня.
Вот тогда-то, только лишь тогда-то
Будет Бог творить через меня.
И не будет никаких сомнений –
Несомненность полнобытия.
Гений я или совсем не гений –
Безразлично. Действую – не я.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Померанц Г. Выход из транса. М., 1995.

Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридса Бриге. М., 1913.

Соловьев В. Смысл любви. М., 1992.

Харитонов М. Избранная проза. Т. 1. М., 1994.

Харитонов М. Музыка сквозь скрип. Памяти Григория Померанца ([imwerden.de>cat/modules.php?name=books...showbook...](http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books...showbook...)).